

V

312 II

Библиотека

Художественная самодеятельность

№

21

Эстрада

СБОРНИК
ВТОРОЙ

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗАТ

1953

✓

311- 53-39108.

-82

Содержание

Содержание

1-53. 1 p.

1953 ГБУзССР
39108

Б И Б Л И О Т Е Ч К А
„Художественная самодеятельность“

Сборник
для художественной
самодеятельности

✓
311-192

Государственное издательство
культурно-просветительной литературы

МОСКВА

1953

*Сборник подготовлен к печати
совместно с Всесоюзным домом народного творчества
им. Н. К. Крупской*

КОНФЕРАНСЫ,
ИНТЕРМЕДИИ
И СЦЕНКИ

Г. Рыклин

Преступление и наказание

ИНТЕРМЕДИЯ

Недавно я побывал в городе Эиске. Первое, что мне там бросилось в глаза, — очень странно одетый человек. Солидный дядя, он был облачен в узенькие брючки, причем правая штанина была короче левой, зато левая длиннее правой. Одна пола пиджака смотрела вкось, другая глядела вкривь.

Я спросил у одного из местных жителей:

- Кто это?
- Руководитель местной потребкооперации.
- Почему он так одет?
- По приговору народного суда. Его судили за брак и присудили к трем месяцам.
- К трем месяцам заключения?
- Нет, к трем месяцам хождения по городу в одном из костюмов, которые изготавливает его швейная мастерская.

Конечно, это только фантазия. А не мешало бы, чтобы так оно было на самом деле. Чтобы по приговору суда бракоделы-швейники щеголяли в костюмах своего изделия. Бракоделы-сапожники — в обуви своего производства. Чтобы халтурщики-писатели читали свои книжки. Впрочем писатели-халтурщики в восторге от своих произведений. Поэтому они самая злостная категория бракоделов. Пожалуй, лучше так: бракоделы-швейники и сапожники пусть читают творения халтурщиков-писателей, а халтурщики-писатели пусть носят продукцию бракоделов-швейников и сапожников. Страшное наказание.

Много слов

ИНТЕРМЕДИЯ

За письменным столом сидит начальник, у стола стоит подчиненный.

Начальник. Как здоровье, Смышляев?

Подчиненный. Спасибо, Ефим Фомич. Так все бы ничего... Но вот сегодня утром... *(Хватается за бок.)*

Начальник. Сейчас, говорят, опять в нашем районе надо проявлять чуткость.

Подчиненный. Директива?

Начальник. Определенных указаний со стороны наших районных организаций еще нет. Но что-то такое-такое носится в воздухе... Что вы там сказали о вашем здоровье?

Подчиненный. Спасибо, Ефим Фомич. Вот я и говорю: так бы все ничего... Но вот сегодня утром... *(Хватается за бок.)*

Начальник. Да. Чуткость — большое дело. Вы что-то начали говорить насчет вашего здоровья...

Подчиненный. Спасибо, Ефим Фомич. Так все бы ничего... Но вот сегодня утром... *(Хватается за бок.)*

Начальник. Сегодня утром вызывает меня наш новый председатель райсовета. Не успел еще приступить к работе, а сразу напирает на чуткость. «У вас, — говорит, — товарищ Перекладин, в подведомственном вам коммунальном отделе нет заботы о живом человеке».

Подчиненный. Как это он узнал?

Начальник. Садитесь, Смышляев. Чего вы стоите? Вы что-то, кажется, и на здоровье жалуетесь.

Подчиненный. Спасибо, Ефим Фомич. Так бы все ничего... Но вот сегодня утром... *(Хватается за бок.)*

Начальник. Ну, давайте конкретно. Возьмем, к примеру, посетителей.

Подчиненный. Возьмем посетителей.

Н а ч а л ь н и к. Согласен. Возьмем посетителей. И давайте посмотрим на них с точки зрения чуткости. Говорят, они часами простаивают у нас в приемной. А нельзя ли поставить вопрос...

П о д ч и н е н н ы й. Поставить вопрос можно.

Н а ч а л ь н и к. Поставить вопрос можно, Смышляев. Но не отразится ли это на текущей работе? Как бы из-за людей не пострадали бумаги: наляжем на посетителей — ослабим переписку. Нет, все это надо продумать. Ну, идите, Смышляев. Очень рад, что вы здоровы...

П о д ч и н е н н ы й. Так все бы ничего, Ефим Фомич... Но вот сегодня утром... *(Хватается за бок.)*

Н а ч а л ь н и к. Очень рад, очень рад. Ну, пока...

Жалобная книга

ИНТЕРМЕДИЯ

Директор (*кричит не своим голосом*). Шеф-повара сюда! Шеф-повара!

Шеф-повар (*вбегает*). Я здесь, Кузьма Игнатьич.

Директор. Не только здесь, но и... (*показывает на жалобную книгу*), но и здесь.

Шеф-повар (*весело улыбается*). Совершенно верно, товарищ директор.

Директор. Чему ты радуешься? Попал в жалобную книгу — и улыбается.

Шеф-повар. Ну как же? Очень доволен.

Директор. С ума сошел? «Очень доволен». А мне отдуваться!

Шеф-повар. Позвольте объяснить...

Директор. Не надо мне твоих объяснений. Без ножа зарезал. Без ножа. Кто они, эти писаки?

Шеф-повар. Три военных товарища. Один, между прочим, полковник.

Директор. Полковник. (*Хватается за голову*.) Что ты со мной сделал...

Шеф-повар. Да вы почитайте.

Директор. Не желаю читать. Я уже здесь четвертый год и знаю, что посетители пишут о вверенной мне столовой. Одни гадости пишут. Не буду читать. А писать буду. Запишу тебе строгий выговор за проявленную недобросовестность, за плохое качество и несвежие продукты. Обязательно запишу. А теперь можешь уходить.

Шеф-повар. А я не уйду. Вы сначала почитайте запись в жалобной книге, а потом я уйду и, если хотите, совсем уйду.

Директор. Ну, хорошо. Почитаю. Малое удовольствие читать жалобы. *(Читает.)* «Приносим благодарность шеф-повару за прекрасный обед...» Что? Что такое? Благодарность? Как же это так? Четвертый год я здесь, и никогда ничего подобного не читал в этой книге. Не может быть! *(Читает еще раз.)* Благодарность. С непривычки даже страшно. *(Кричит.)* Что же ты мне сразу не сказал, что под моим непосредственным наблюдением ты добился благодарности от посетителей? Вот что значит — умелое руководство. Ты должен быть мне вечно благодарен за то, что я возглавляю столовую и сумел поднять тебя на высокий уровень. Ну, я побежал в трест — надо их проинформировать.

Стихи

СЦЕНКА

Действуют: Она и Он.

Она входит с блокнотом, что-то записывает.

Он. Что вы записываете?

Она. Стихи.

Он. Стихи? Скажите, соавтор вам не нужен?

Она. А вы умсете писать стихи?

Он. Не знаю, не пробовал.

Она. Вот видите, не пробовали, а хотите писать стихи.

Он. Так я же не в авторы хочу, а в соавторы. Теперь это так модно. И в прозе, и в поэзии, и в кино, и в музыке. В живописи целыми артелями работают!

Она. Откуда вы знаете?

Он. Сам видел картину: двенадцать квадратных метров писали двенадцать художников.

Она. И хорошо?

Он. Нет, не так хорошо, как быстро. Говорят, каким-то творческо-метрическим способом: каждый художник писал по метру. Другие говорят — в порядке разделения труда: первый рисует носы, второй — волосы, третий — уши. Даже специалист по галстукам был.

Она. Это, наверно, шутка!

Он. Да, шутка. Но то, что художников было двенадцать, а картина получилась плохая, — это не шутка! Так вы берете меня в соавторы?

Она. Что ж, давайте, попробуем... Я буду начинать; скажем, я напишу первую строку и начало второй, а вы — конец второй строки.

Он. Хорошо! Давайте!

Она.

Зритель наш веселый, чуткий,
Любит песни, любит...

Он. Танцы.

Она. Какие танцы?

Он. На танцплощадке.

Она. Да при чем тут танцы?..

Любит песни, любит шутки!

Он. Очень любит шутки. Но, между прочим, есть и такие, которые любят танцы не на шутку.

Она. Не об этом речь! Давайте что-нибудь другое... Скажем...

Слов чужих не повторяй,
Как заморский...

Он. Делегат.

Она. Какой делегат?

Он. Хотя бы некоторые делегаты в Совете Безопасности.

Она. Да нет же... попугай!

Он. А в чем разница? И тот и другой готовы повторять чужие слова вслед за своим хозяином.

Она. Это вы, конечно, правы, но все-таки поймите: мы пишем стихи, так?

Он. Так.

Она. Значит, вы должны не просто говорить различные слова, а в рифму. Что такое рифма, вы знаете?

Он. Знаю.

Она. Что?

Он. Рифма, это... это, так сказать, такая штука, которая... которая, так сказать... которая, короче говоря...

Она. Понятно. Рифма — это слова с одинаково звучащими окончаниями. Например, туман и...

Он. Шуман.

Она. Правильно. Моль и...

Он. Де Голль.

Она. Правильно. А де Голль и...

Он. Аденауэр!

Она. Что?!

Он. Можете мне поверить, что „окончания“ у них будут совершенно одинаковые! Неужели вы всерьез думаете, что я не знаю, что такое рифма?

Она. Знаете? Прекрасно.

Будь примером, не ленись,
Коль отстал, то...

Он. Так и быть.

Она. Что?!

Он. Ах, да! Надо же в рифму... то извинись.

Она. Как „извинись“?

Он. Ну, выступи на собрании, покайся!.. Многие так делают.

Она. Что вы болтаете?

Будь примером, не ленись,
Коль отстал, то подтянись!

Он. Тоже верно. А некоторым это и в голову не приходит. Каяться — это пожалуйста. А подтянуться...

Она. Хорошо. Еще один эксперимент. (*Показывая на зрителей.*)

Крепче нашей дружбы нет!

Говорим: „друзья, при...

Он. ...ходите к нам почаще. Мы всегда рады вас видеть!

Она. Опять вы не то говорите! „Привет!“

Он. Правильно! Сами говорите: „Крепче нашей дружбы нет“. А друзья должны встречаться почаще, бывать друг у друга. Я так понимаю дружбу! А сказать „привет“ и расстаться на десять лет — какая же это дружба?

Она. Позвольте, но стихи...

Он. А насчет стихов я вам скажу, как соавтор, и не в прозе а стихами:

Зритель наш веселый, чуткий,

Любит песни, любит шутки.

Пошутили мы слегка,

А теперь пора пока...

...зять, что мы умеем не только шутить, но и выполнять свои обязанности. Что у нас по программе?

Она объявляет исполнителя.

Наш ребенок

СЦЕНКА ДЛЯ КОНФЕРАНСА

Ведущий. Продолжаем нашу программу...

За кулисами слышен какой-то разговор. Ведущий оборачивается и обращается за кулисы.

Что за шум, товарищи? Что случилось? Ольга Михайловна!

Входит Ольга Михайловна.

Что у вас произошло?

Ольга Михайловна. Афанасий Петрович, это вы раздевались в первой комнате направо?

Ведущий. Я. А что? Галоши мне кто-нибудь обменял?

Ольга Михайловна. Нет, галоши ваши целы.

Ведущий. Из-за чего же вы так шумели?

Ольга Михайловна. Не знаю даже, как вам сказать...

Ведущий. Не тяните...

Ольга Михайловна. Вы там пальто повесили, а шапку на диван положили?

Ведущий. Верно.

Ольга Михайловна. Ну вот... А рядом с вашей шапкой кто-то положил...

Ведущий. Что?! Что?!

Ольга Михайловна. Не знаю даже, как сказать...

Ведущий. Да говорите же!

Ольга Михайловна (*робко оглядываясь, шопотом*). Кто-то положил... ребенка.

Ведущий. Какого ребенка?

Ольга Михайловна. Обыкновенного... Ну, дитё... Грудное...

Ведущий. Грудного ребенка? Кто же его положил?

Ольга Михайловна. Неизвестно. Дежурный пожарник говорит: видел, как зашла в комнату какая-то женщина, положила и тут же ушла.

Ведущий. Почему он ее не остановил?

Ольга Михайловна. Ребенок в пожарном отношении не опасен.

Ведущий. Но это беспорядок!.. Срывает выступления артистов!.. Представьте себе: здесь поют... *(Напевает.)* «Ни слова, о друг мой!»... А там в ответ вдруг уа! уа!

Ольга Михайловна. Что же делать?

Ведущий. Нужно срочно принять меры.

Ольга Михайловна. Какие меры?

Ведущий. Ну... обеспечить... наладить... сообщить куда следует. Я сейчас сам этим займусь... *(Хочет идти.)* Попросите товарища Русанова, чтоб он пока за меня вел концерт. *(Зрителям.)* Простите, товарищи, но такое событие... *(Убегает.)*

Ольга Михайловна *(подходит к другой стороне кулис)*. Товарищ Русанов! Товарищ Русанов!

Русанов *(выходит)*. В чем дело?

Ольга Михайловна. Афанасий Петрович просит вас продолжать за него концерт.

Русанов. А что с ним? Заболел?

Ольга Михайловна. Нет.

Русанов. Что же случилось?

Ольга Михайловна. Чрезвычайное происшествие. ЧП.

Русанов *(испуганно)*. Какое?

Ольга Михайловна. В той комнате, где он раздевался...

Русанов *(хватается за сердце)*. Я с ним вместе раздевался. Что там? Пожар?

Ольга Михайловна. Да нет же.

Русанов. Что же? Не терзайте!

Ольга Михайловна. Кто-то положил на диван грудного ребенка.

Русанов *(сразу от испуга переходит к умилению)*. Какая прелесть! Пойдите, но при чем тут Афанасий Петрович?

Ольга Михайловна. Он побежал обеспечить... наладить...

Русанов. Бюрократический подход к живому человеку, которому, может быть, «без году неделя». Его надо

пригреть, убаюкать... А он «обеспечить», «наладить». Я вижу, без меня там все напутают (*уходит*).

Ольга Михайловна. Что же это такое? Оба убежали... Но вы, товарищи, не беспокойтесь... Мы будем продолжать наш концерт.

Выходит улыбающийся Ведущий.

Видели?

Ведущий. Прелестный ребенок. Розовенький такой, нос пуговкой...

Ольга Михайловна. Что он?

Ведущий. Спит. И во сне еще причмокивает, просто глаз не оторвешь.

Ольга Михайловна. Вы уже сообщили о нем?

Ведущий. Рука не подымается... У меня другая идея. Правда, и в детском доме ему будет неплохо, но все-таки семья, домашний уход, родительские заботы...

Ольга Михайловна. Конечно, это гораздо лучше.

Ведущий. Вот, вот. Поэтому я и решил взять его себе. Мы с женой его усыновим, выходим, воспитаем... Вы подумайте, как чудесно!.. Ведь уже через несколько месяцев он лепетать что-нибудь начнет... «Ба-ба»... «Па-па»... «Ля-ля»... Можно будет с ним в ладушки играть. (*Изображает перед Ольгой Михайловной игру в ладушки.*) Я себя чувствую счастливым отцом! Ура!

Ольга Михайловна. Тише!.. Вы его разбудите.

Ведущий (*сразу перешел на шопот*). Верно! (*Зрителям.*) Вас, товарищи, тоже прошу сидеть потише...

Ольга Михайловна. А какой номер у нас сейчас пойдет? Хор?

Ведущий. Ни в коем случае. Разве они дадут человеку поспать?

Ольга Михайловна. Может, балетный?

Ведущий. Боюсь, начнут стучать да притоптывать.

Ольга Михайловна. А потом аплодисменты...

Ведущий. Тсс! (*Зрителям.*) Товарищи, воздержитесь пока от аплодисментов, наши артисты не обидятся. А вот когда он проснется...

Ольга Михайловна. ...тогда его надо накормить.

Ведущий. Спасибо, что напомнили. Родненькая, зайдите в буфет, возьмите ему чего-нибудь...

Ольга Михайловна. Что вы, Афанасий Петрович? В нашем буфете?

Ведущий. Неужели ничего нет?

Ольга Михайловна. Есть колбаса, ветчина, пломбир в стаканчиках, пиво.

Ведущий. Пиво не годится... А молока нет?

Ольга Михайловна. Ну, кто в буфете пьет молоко?

Ведущий. Что же делать?

Ольга Михайловна. Надо взять теплой водички и развести в ней сахар — это питательно и безвредно.

Ведущий. Правильно! Спасибо, что позаботились о моем сыне. Идите, действуйте! Молодец!

Ольга Михайловна уходит.

Простите, товарищи, что мы отвлеклись от нашей программы. Но такое событие! Молодые родители поймут меня. Итак, продолжаем наш концерт. *(Зидумался.)* А сахарная водичка ему не повредит? Как вы думаете? Надо будет позвонить знакомому врачу...

Вбегает радостный Русанов.

Русанов. Простите, Афанасий Петрович, задержался... Не мог вас заменить...

Ведущий. Что это вы так сняете?

Русанов. Сегодня вся моя жизнь переменилась. Кончилось мое одиночество, теперь у меня есть цель в жизни, теперь около меня постоянно будет любимое существо...

Ведущий. Поздравляю, голубчик. Очень рад... Что же раньше молчали?

Русанов. Это произошло так неожиданно...

Ведущий. Все-таки посоветовались бы с друзьями.

Русанов. Что жут советовать? Я как увидел, так меня всего и захватило. Ну, думаю, — судьба...

Ведущий. А как выглядит эта ваша «судьба»?

Русанов. Прелесть... Увидите, сами влюбитесь.

Ведущий. Когда покажете?

Русанов. Вот объявите номер, и покажу.

Ведущий. Где?

Русанов. За кулисами, в той же комнате, где мы с вами раздевались. Там моя радость лежит, спит на диванчике и губками причмокивает.

Ведущий. Кого вы имеете в виду?

Русанов. Ребеночка, грудного ребеночка, которого я решил усыновить.

Ведущий. Там второго положили?

Русанов. Нет.

Ведущий. Розовенький такой?..

Русанов. Да, да... А нос пуговкой...

Ведущий. Простите, Сергей Александрович, — это мой ребенок.

Русанов. Почему ваш?

Ведущий. Я его первый увидел и тут же решил усыновить.

Русанов. Ну зачем вам? Ведь у вас есть дочка?

Ведущий. Моей дочери уже 15 лет, она вполне взрослая... А вот, как вы, одинокий холостой человек, будете за ним ухаживать?

Русанов. Буду, — может, даже лучше некоторых отцов семейства.

Ведущий. Вы даже его выкупать не сумеете.

Русанов. Что тут мудреного? Посажу в вашочку и буду водичкой поливать.

Ведущий. Да он, бедняжка, у вас захлебнется. Ему надо вот так головку поддерживать (*показывает*).

Русанов. Буду и головку поддерживать.

Ведущий. Погум, вы занятой человек. С кем вы его будете дома оставлять?

Русанов. Я сестру выпишу, будет у меня жить и за ним ухаживать.

Ведущий. Может, ваша сестра не любит детей?

Русанов. Моя сестра? Да она четырех сыновей воспитала... Старший — уже профессор... И мой будет профессором.

Ведущий. Он не ваш... Я уже давно позаботился о нем, попросил прислать сюда разные игрушки-погремушки, чтобы развлечь его, когда проснется.

Русанов. Вот видите! Для вас это забава. А я отнесся к нему по-родительски, попросил прислать распашонки, чепчик, соску...

Ведущий. Товарищ Русанов, не нарушайте порядка, станьте в очередь.

Русанов (*умоляюще*). Афанасий Петрович, не отнимайте у меня сына! Не оставляйте меня круглым сиротой!

Входит Ольга Михайловна.

Ольга Михайловна (*ведущему*). Афанасий Петрович, какой же следующий номер пойдет?

Ведущий. Сейчас решим... У нас тут серьезнее вопрос: речь идет о судьбе человека.

Русанов. Ну, скажите вы: кто должен взять ребенка, Афанасий Петрович или я?.. Только честно, по совести.

Ольга Михайловна. Какого ребенка?

Ведущий. Который спит там на диване, около моей шапки.

Ольга Михайловна. Его уже взяли.

Русанов. Как — взяли?

Ведущий. Кто посмел?

Ольга Михайловна. Кто положил, тот и взял.

Русанов. Какое она имела право?

Ольга Михайловна. Но она — родная мать.

Ведущий. А мы — почти родные отцы.

Ольга Михайловна. Как? Вы оба?

Ведущий. Это неважно. Отдайте нам ребенка, мы сами разберемся, кто будет отцом.

Ольга Михайловна. Какая мать отдаст своего ребенка?

Русанов. А сама положила к нам на диван.

Ольга Михайловна. Не брать же его с собой в зрительный зал.

Ведущий. Почему?

Ольга Михайловна. Дети до шестнадцати лет не допускаются.

Русанов. Странная история.

Ольга Михайловна. Ничего странного. Все чрезвычайно просто: она приехала к сестре, которая здесь работает, и пока ее разыскивала, положила туда ребенка.

Ведущий. Как же быть? *(Вглядывается за кулисы.)* Мне уже игрушки принесли. *(Убегает.)*

Ольга Михайловна *(Русанову.)* Какие игрушки?

Русанов. Для нашего ребенка.

Ведущий *(входит, неся в руках разные игрушки: погремушки, резиновых птичек и т. п.)*. Вам, Сергей Александрович, тоже принесли. *(Русанов убегает.)* Все у нас теперь есть, нет только ребенка.

Русанов *(выходит, неся распашонки, чепчик, бутылочку с соской и т. п.)*. Пойдемте хоть... *(всхлипнув)* попрощаемся с нашим ребенком, они еще не ушли.

Ведущий. Пойдемте. А вы, Ольга Михайловна, объявите следующий номер. Теперь можно и петь, и танцевать, и аплодировать. *(Уходит с Русановым.)*

Ольга Михайловна объявляет номер.

Конферанс и интермедии

Программу ведут: Наташа — молодая энергичная девушка и Пал Палыч — мужчина средних лет с несколько комичной внешностью.

I

Наташа. Здравствуйте, дорогие товарищи! Мы чрезвычайно рады, что вы сегодня после трудового дня пришли к нам в клуб отдохнуть и развлечься. Наш коллектив художественной самодеятельности приготовил для вас большую, разнообразную концертную программу. Многие из участников сегодняшнего концерта вам уже знакомы, — они ваши друзья и товарищи по работе, — и представлять их вам особо мне едва ли придется...

Пал Палыч (*появляясь*). А я? Нет, уж вы, — поскольку я заместитель конферансье, — представьте меня особо.

Наташа (*пожав плечами*). Пожалуйста... (*К зрителям, представляя.*) Павел Павлович.

Пал Палыч раскланивается.

Прошу любить и жаловать. Нам с ним поручено сегодня вести программу концерта.

Пал Палыч (*выдержав паузу*). И это всё?

Наташа. Что «всё»?

Пал Палыч. Обо мне.

Наташа. А что же, собственно, еще?..

Пал Палыч. Не-ет, ну как же так... Я думал, вы меня... поднимете в глазах зрителей. Скажете: «Вот наша молодая артистическая поросль. Вот наш самородок!» Подчеркнете, что... сестра моя — выдающаяся сестра, родной дядя (*махнет указательным пальцем*) — авторитетный «дядя», покойная бабушка...

Наташа (*прерывая*). Павел Павлович, любовь и уважение зрителей можно заслужить только проявлением своего, личного таланта, упорным и честным трудом. А ссылаться, знаете, на своих родственников...

Пал Палыч. Я вас понял.

Наташа. Поняли свою ошибку?

Пал Палыч. Да. Я ошибся. (*С горечью.*) Не тот вы человек... о плечо которого мог бы начинающий конференсье опереться.

Наташа (*смеясь*). Не тот! Определенно не тот!

Пал Палыч (*вздыхая*). Что делать! Получилось, как у Грибоедова: «Шел в комнату, попал в другую!» (*Идет к выходу.*)

Наташа. Подождите, куда же вы?..

Пал Палыч. А что?

Наташа. Идите-ка сюда! Объявляйте первый номер нашей программы.

Пал Палыч (*покорно*). Пожалуйста. (*Объявляет номер.*)

II

Наташа. Павел Павлович, может быть, вы выступите? Вы обещали, кажется, исполнить сатирическую сценку.

Пал Палыч (*неопределенно*). Ну что ж... Можно, конечно. Сатирическую сценку? Гм... Слушайте, я прочту лучше стихи.

Наташа. Нет, нет, сейчас мы отводим место сатире. Прочитайте басню.

Пал Палыч. Ба-асню? Гм... Дело в том, что... видите ли... в каждой басне присутствует эта... мораль.

Наташа. Присутствует. А что вас смущает?

Пал Палыч. Да вот это самое... «присутствует». Представьте себе, что среди наших уважаемых зрителей присутствует такой товарищ, который мораль басни... примет на свой счет?..

Наташа. Вот и хорошо! Значит, стрела сатиры попадет в мишень.

Пал Палыч. Попадет, говорите? (*В сторону.*) Как бы мне потом не попало. (*Громко.*) Ну хорошо, давайте попробуем. (*Выступает вперед.*) Сергей Михалков. Басня «Заяц и Черепаха».

«Однажды где-то под кустом...»

(*Обрывает чтение басни.*) Нет, эта басня не пойдет.

Наташа. Почему?

Пал Палыч. Мораль неподходящая.

Наташа. А именно?

Пал Палыч.

«Я многих черепах имею здесь в виду.
Нам помощь скорая подчас нужна в делах,
Но горе, коль она в руках
У черепах!»

Слышите? Нет, я прочту другую. Сергей Михалков. Басня «Зяец во хмелю».

«В дець именин, а может быть, рожденья...»

(Обрывает.)

Наташа. Ну, что же вы?..

Пал Палыч. Опять, понимаете... мораль не та. Заденет... Помните, как эта басня кончается? «Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного, но обожал... подхалимаж». Нет, давайте-ка мы, по взаимному согласию, заменим мой номер...

Наташа. Нет, Павел Павлович, взаимного согласия у нас с вами не получится. Раз вы боитесь со сцены критиковать...

Пал Палыч. Что? Я боюсь критиковать?! Да вы спросите у любого, кто вчера был на совещании, — я целых полтора часа критиковал своего начальника!

Наташа. Вот как? И что же, с вашей критикой начальник согласился?

Пал Палыч. Согласился! Целиком и полностью!

Наташа. Тут же, на совещании?

Пал Палыч. Нет, — накануне. Я показал ему предварительно текст моей речи.

Наташа (иронически). А-а-а!

Пал Палыч. Что «а-а»? Вы посмотрели бы, что только с ним было... Ка-ак он хлопнет!..

Наташа. Кулаком по столу?

Пал Палыч. Да нет, — меня!!

Наташа (в испуге). Вас?

Пал Палыч. Ну, да... по плечу, — одобряю, говорит, разрешаю, говорит, можете, говорит...

Наташа. Ну, такая, с позволения сказать, «критика» как раз и напоминает зайца-подхалима.

Пал Палыч. Виноват, это вы на кого намекаете — на меня? (К зрителям.) Я же говорил, — зачем читать басни? Давайте лучше потанцуем...

Наташа. Нет, сейчас мы «не потанцуем», а предложим вниманию зрителей... (Объявляет очередной номер.)

III

Пал Палыч (выходит, читая записку, вид весьма озадаченный). Вот уж, право, не знаю... (Пожимая плечами.) Что тут делать... (К зрителям.) Поступило, понимаете, предложение... от наших зрителей. Товарищи Лида Анохина и Петр Скворцов могут исполнить белорусский танец «Крыжачок». С одной стороны, конечно, подобное предложение следует приветствовать... Концерт у нас сегодня самодеятельности, все желающие приглашаются участвовать... С другой стороны... номер может оказаться слабым. Вы поручиться за этот, как его, «крыжачок» можете? Можете дать официальную справку, что «крыжачок» будет пользоваться у вас успехом? А? Нет?.. Значит, кто в ответе? Пал Палыч? С третьей стороны — кто знает, — может быть, данные товарищи действительно превосходно танцуют... а? И если отказать — кто в ответе? Пал Палыч! Скажут — заглушил творческую инициативу!.. Встал поперек сцены молодым талантам. А? Видите, что получается. Ответственнейшее дело! Не-ет, уж пусть решает кто-нибудь другой... (Идет направо к кулисе.) Наташа! Можно вас на минутку?

Наташа (показываясь из-за кулисы). Что такое?

Пал Палыч. Вот тут... (подает записку). Есть предложение... Ваше мнение?

Наташа (пробежав глазами записку). Ну что ж, — очень хорошо. Выпустите! (Быстро скрывается.)

Пал Палыч. Что вы сказали? Выпустить? Пожалуйста! Поскольку я теперь не отвечаю... (Обращается в сторону левой кулисы.) Товарищи танцоры, вы готовы? Отлично! (К зрителям.) Итак, сейчас выступают... (неожиданно). Подождите... (Подходит ближе к рампе.) А как это понять — «выпустите»? Выпустить исполнителей на сцену или выпустить номер из программы, а?

Наташа (появляясь). В чем дело? Почему вы не объявляете?

Пал Палыч (в полном замешательстве). А потому что... (Внезапно начинает говорить хриплым шопотом.)

Наташа. Что с вами?

Пал Палыч (*шопотом*). Мороженого съел... (*Вынимает из кармана и показывает несколько пустых палочек с оберткой от эскимо.*)

Наташа (*всплеснув руками*). Ну вот! Зачем же вы столько мороженого съели?

Пал Палыч (*разводя руками, шопотом*). Проявил... безответственность! (*Уходит.*)

Наташа объявляет танец.

IV

Наташа. Выступает физкультурно-акробатический коллектив. Наши спортсмены постараются сегодня продемонстрировать перед вами силу, ловкость, смелость, красоту движений. Надо сказать, что этому показу предшествовала тщательная подготовка. Это вполне понятно. Тот, кто занимается, скажем, гимнастикой, отлично понимает, как важно перед выступлением чувствовать себя в спортивной форме, иметь хорошо натренированные мускулы...

Пал Палыч (*вошедший несколько ранее, перебивает Наташу*). Ну, знаете... это вовсе не обязательно.

Наташа. Что-о? «Не обязательно»?

Пал Палыч. Конечно. Возьмите меня. Я, например, никогда от роду гимнастикой не занимался, тренировок не проводил, а... выступал в цирке в качестве силового акробата.

Наташа. Вы?! Не обладая силой?

Пал Палыч. Нет, именно в силу приятельских отношений: мой дружок был директором цирка.

Наташа. А-а! Понятно! И что ж, долго вы подвизались на арене?

Пал Палыч. Нет, пришлось сделать неожиданный кульбит (*жест*): «вылетел».

Наташа. С треском?

Пал Палыч. И с треском, я со своим покровителем.

Наташа (*смеясь*). Так вам и надо. (*К зрителям.*) Простите, товарищи, что мы несколько отвлеклись...

Пал Палыч. ...только лишь для того, чтобы подготовить сцену для следующего номера. Итак, выступает наш физкультурно-акробатический коллектив в составе...

Идет номер.

Пал Палыч (*перед выходом задерживается и левой боковой кулисы, говорит кому-то негромко*). Как только кончится концерт — вы мне их тут же и преподнесете. Понятно? (*Делает знак молчать, идет на середину сцены.*)

Появляется Наташа.

Наташа (*строго*). Павел Павлович... (*К зрителям*). Простите, товарищи, одну минутку... (*Отводит Пал Палыча в сторону.*) Это ваши цветы за сценой?

Пал Палыч (*играя изумление*). Цветы? где? какие? Понятия не имею!

Наташа. И вы не давали указаний?

Пал Палыч. Каких указаний?..

Наташа. Преподнести вам этот букет цветов якобы от зрителей?

Пал Палыч. М-м... н-не помню! И заявляю официально: я от подобных указаний — отмежевываюсь!

Наташа. Та-ак. И от букета отмежевываетесь?

Пал Палыч. Категорически!

Наташа. Значит, остается предположить, что цветы принесла... добрая фея?

Пал Палыч. А что вы думаете, — очень может быть. Ведьмы ведь еще попадаются.

Наташа. Что ж, тогда... подарим цветы всем участникам концерта. (*Подходит к кулисе.*) Петя, отнесите, пожалуйста, цветы в артистическую комнату!

Пал Палыч (*ринулся за Наташей*). Позвольте... куда?

Наташа (*обернувшись*). Что?

Пал Палыч (*быстро смешавшись*). А? Н-нет, я... я ничего... не говорю...

Наташа уходит.

Пал Палыч (*в отчаянии, к зрителям*). Вы представляете, во-от такой букетище... (*Показывает руками.*) Восемьдесят четыре рубля заплатил!! Белая сирень, чайные розы, тюльпаны... (*Махнул рукой.*) Сколько раз говорил себе: отмежевывайся во-время! Так нет... Ну ничего, теперь уж я...

Наташа (*появившись*). Павел Павлович, учитывая ваши неоднократные заявления, я думаю, что сейчас...

Пал Палыч. Мои заявления? *(Выпаливает.)* Наталья Алексеевна, я — отмежевываюсь!

Наташа. Категорически?

Пал Палыч. Категорически!

Наташа. Жаль. В таком случае ваше выступление придется заменить...

Пал Палыч. Ка-ак? Вы хотели объявить мое выступление?

Наташа. Вы же заявили мне в антракте, что собираетесь спеть романс? Но, поскольку вы отмежевались, — мы попросим на сцену... *(Называет имя, отчество, фамилию исполнителя очередного вокального номера.)*

Пал Палыч. Так нет... я думал... подождите... Нет, я спою! *(Хвастливо.)* Вы знаете, какие я беру ноты?! *(Откашливается, становится в позу.)*

Наташа. Знаю. Берите вот эти ноты *(передает папку с нотами)*, будете помогать аккомпаниатору перелистывать.

Пал Палыч *(вздыхая)*. М-да... Здесь меня категорически затирают. *(Идет к роялю.)*

VI

Пал Палыч неожиданно появляется с грудой пакетов, коробок, с фикусом в горшке, с тортом, с удочками.

Наташа. Павел Павлович, вы куда это собрались?

Пал Палыч. Я сейчас... Забегу только тут, напротив, к моему начальнику, — у него день рождения. Поздравлю и вернусь...

Наташа. А что вы несете?

Пал Палыч. Да тут кое-какие подарки. *(Поясняя.)* Новорожденному — удочки, супруге — цветочек, теще — томатный сок, детишкам — пирожные... *(Как бы оправдываясь.)* Начальство! Ничего не поделаешь!

Наташа. А вы знаете, что Никандр Алексеевич с сегодняшнего дня у вас больше не работает?

Пал Палыч *(поражен)*. Ка-ак? *(Роняет подарки.)* Неужели? Ай-яй-яй-яй-яй... А я-то израсходовался... Стойте, — а кто же назначен на место Никандра Алексеевича?

Наташа. Сидоров, Поликарп Иванович.

Пал Палыч. Сидоров? Ну и ну! Нашли тоже кого назначить. Да разве он справится? У человека ни энергии, ни размаха, ни кругозора...

Наташа (*громким шопотом*). Учтите: Поликарп Иванович здесь, в зрительном зале...

Пал Палыч (*с круглыми глазами, шопотом*). Что вы говорите?! Ах ты, боже мой... (*Отпрянул от Наташи; выдерживая прежний тон, постепенно его меняет.*) Конечно, это только мое личное мнение... И, возможно, ошибочное. Пожалуй, даже безусловно ошибочное. Кто не знает Поликарпа Ивановича, как блистательного хозяйственника, талантливейшего руководителя, я бы сказал, со сверхдальним прицелом... А уж если сравнить Поликарпа Ивановича с Никандром Алексеевичем, — тут, братцы мои, дистанция огромного размера! Я не говорю уже о бюрократических замашках Никандра Алексеевича, о его постоянном чванстве... (*Патетически.*) Да! Оч-чень правильно сделали, что его сняли!..

Наташа. А его не сняли. Наоборот, Никандр Алексеевич получил повышение.

Пал Палыч (*ошарашен*). По...повышение?!!

Наташа. Можете поздравить его вдвойне: и с повышением, и с днем рождения.

Пал Палыч (*бурно*). Боже ж мой! Конечно! (*Бросается собирать подарки.*) Так я тогда сию минуту... (*Вновь нагруженный подарками, хочет уйти.*)

Наташа. А зачем же вам итти? Он здесь. Во-он, в пятом ряду, сидит рядом с Поликарпом Ивановичем.

Пал Палыч. Что-о? (*Близок к обмороку.*) Вот это называется... влип! (*Пошатываясь и роняя по дороге подарки, уходит.*)

Наташа объявляет следующий номер.

VII

Пал Палыч. Наташа, позвольте ж мне, наконец, объявить следующий номер.

Наташа. Пожалуйста, объявляйте.

Пал Палыч выносит на сцену маленький столик, ставит на него графин с водой, стакан. Из портфеля вынимает книгу, раскрывает ее на закладке, надевает очки. Заглянув в книгу, захлопывает ее, снимает очки, убирает их в футляр и, наконец, тоном оратора объявляет: «Товарищи... концерт окончен!»

Интермедии

1. Где зав, там и зам

На просцениум выходит молодая девушка.

Молодая девушка. Сейчас, товарищи, начинаем. Все уже готово. Мы столько готовились к сегодняшнему выступлению, что надеемся, — этот концерт пройдет интересно, весело, жизнерадостно. Самое трудное и ответственное — это вести программу... Нам предложил свои услуги один товарищ. Сейчас я вам его представляю. *(Обращается за кулисы.)* Пожалуйста.

На просцениум выходит 1-й, человек солидный и серьезный.

Мы согласны поручить вам руководство сегодняшним концертом.

1-й. Ну что ж, можно. *(Вглядывается в зал.)* А это что за люди сидят?

Молодая девушка *(растерянно)*. Это — зрители, пришли на концерт.

1-й. Ну, ладно. Пусть пока сидят.

Молодая девушка. Мы просим вас провести концерт интересно, весело, жизнерадостно.

1-й *(мрачно)*. Я сам человек веселый, жизнерадостный.

Молодая девушка. Желаю успеха. *(Уходит.)*

1-й *(один)*. Ну что же, приступим к руководству сегодняшним концертом. Что мне как руководителю прежде всего нужно? Прежде всего мне нужен заместитель. Подбор кадров — дело серьезное, и я долго выбирал, кого взять: брата жены или мужа сестры? Все-таки брата жены спокойнее, для дома спокойнее. *(Обращается за кулисы.)* Товарищ Иванов, пожалуйста, можете приступить к своим обязанностям.

Входит 2-й.

Надеюсь, вы с этой работой знакомы?

2-й. Как же! Много лет работал в качестве заместителя на различных участках хозяйственного и культурного фронта. Разрешите? *(Снимает пушинку с рукава 1-го.)*

1-й. Спасибо. Итак, я буду осуществлять общее руководство и наблюдение, а вам я поручаю оперативную работу. Для начала составьте план, намётку основных мероприятий для проведения концерта и доложите.

2-й. На год или на ближайшее полугодие?

1-й. Пока достаточно для данного концерта.

2-й. Ну, это совсем пустяки.

1-й. Ваше предложение мы обсудим, уточним, потом на основе точного плана быстренько провернем концерт.

2-й. Слушаюсь, все будет сделано.

1-й. Учтите, чтобы было интересно, жизнерадостно, весело.

2-й. Удивительно, как вы быстро на новом месте схватили суть дела.

1-й. Опыт, батенька, опыт. Итак, действуйте.

2-й. Есть действовать. *(Хочет уйти.)*

1-й. Только не затягивайте.

2-й. В два счета проверну.

1-й. А то, я знаю, одного работника послали на заготовку клюквы, так он возился с планами, со штатами, с оборудованием до зимы и все прозевал.

2-й. Вот так клюква!

1-й. Итак, имейте в виду...

Молодая девушка *(выходит)*. Товарищи! Уже десятый час!

1-й. А мы привыкли и по ночам работать.

Молодая девушка. Не в этом дело. Пора концерт начинать.

1-й. Сперва надо провести организационную подготовку, а потом начинать концерт.

Молодая девушка. А как же артисты?.. Они хотят выступать.

1-й. Артисты пусть выступают. А потом мы интересно, весело, жизнерадостно проведем концерт.

Молодая девушка. Можно объявлять первый номер?

1-й. Пожалуйста. *(2-му.)* А мы засучив рукава за работу!

Молодая девушка объявляет номер.

2. Первые шаги

Выходит 1-й и его секретарша.

Секретарша. Что же это такое, Михаил Иванович! Сколько лет у вас секретаршей работаю, и впервые такое...

1-й. Чем вы, Муся, недовольны?

Секретарша. Ну как же, даже машины у вас нет. Хоть бы „Победу“ дали.

1-й. Не до машины сейчас. Нам надо провести концерт интересно, весело, жизнерадостно.

Секретарша. Вот с машиной будет интересно, весело, жизнерадостно. А без машины — просто тоска какая-то.

1-й. Не горюйте, Муся, — у меня все будет. А пока вызовите ко мне моего заместителя.

Секретарша (*кричит*). Товарищ Иванов! (*Уходит.*)

Входит 2-й с толстой папкой в руках.

1-й. Ну как, подработали план нашего концерта?

2-й. Чтобы провести мероприятия на тему, как организовать концерт интересно, весело, жизнерадостно, нам прежде всего необходимо создать для нас с вами соответствующие условия работы.

1-й. Правильно.

2-й. А то что это? Ни стола, ни стула — совершенно негрудовая обстановка.

1-й. Золотые слова.

2-й. Значит, одобряете?

1-й. Действуйте, голубчик.

2-й. Это, собственно, чисто хозяйственные мероприятия, поэтому я позволил себе пригласить для этой работы специального сотрудника, завхоза.

1-й. Ну что же, — добре!

2-й (*зовет*). Товарищ Петров, пожалуйста!

Входит 3-й, здоровается с 1-м.

1-й (*отводит 2-го в сторону, тихо*). А вы его хорошо знаете?

2-й. Человек безупречный, самых честных правил.

1-й. Ваш дядя?

2-й (*утвердительно кивает головой*). Фамилии разные.

1-й. Ну, тогда ничего. (*3-му.*) Вот что, голубчик, надо будет нас как-нибудь обставить.

3-й. Не беспокойтесь, обставлю вас в два счета. Оста-
нетесь довольны. Скольких людей обставлял, и никто не
жаловался. (*Оглядывает сцену, показывает на рампу.*)
Вот здесь возведем капитальную стену, чтоб посторон-
ние вам не мешали, а тут перегородки соорудим — будет
вам кабинет... Сюда письменный стол поставим, сюда
диван. В углу этот рояль будет.

1-й (2-му). Рояль, кажется, для артистов?

2-й. Артисты обойдутся и с баяном.

3-й. А рояль в кабинете придает солидность, авторитет.

1-й. Ну тогда ставьте.

3-й. Под рояль, конечно, ковер. Сюда люстру повесим,
на стол — лампу. Письменный прибор в древнеславянском
стиле или современный?

1-й. Можно современный.

3-й. Слушаюсь. (*Показывает на остальную часть
сцены 2-му.*) А здесь ваш кабинетик соорудим, чуть по-
меньше, но тоже со всеми удобствами.

2-й. Радиоприемник не забудьте.

3-й. Обязательно, новейшей конструкции в каждый ка-
бинет. Если интересуетесь футболом, можно и телевизор
раздобыть.

2-й. Конечно. Не уезжать же нам из-за футбола с ра-
боты.

1-й (*оглядывает сцену*). Действительно, получится ин-
тересно, весело, жизнерадостно.

Выходит молодая девушка.

Вы кто? Вам что, товарищ?

Молодая девушка. Артисты интересуются: будут они
выступать или им идти домой?

1-й. Кто хочет, пусть выступает, кто хочет — пусть идет
домой.

Молодая девушка. Значит, я могу объявить следую-
щий номер?

1-й. Пожалуйста. Только не срывайте нам подготовку
к концерту. (3-му.) Действуйте, товарищ.

1-й, 2-й, 3-й уходят.

Молодая девушка объявляет следующий номер.

3. Где мы работаем

Выходит 3-й с рулеткой в руках, за ним секретарша со стулом и блокнотом.

Секретарша (*садится на стул, капризно*). Я категорически возражаю...

3-й (*измеряет*). Это согласовано с начальством. Мне точно сказано: чтобы концерт был интересным, веселым, жизнерадостным, мобилизуйте весь наш штат. Пишите: ширина 5 метров 30 сантиметров...

Секретарша (*записывает в блокнот*). Никогда я такой тяжелой работы не делала.

3-й (*измерил*). Пишите: длина 7 метров 42 сантиметра.

Секретарша. Я буду конфликтовать.

3-й. Теперь высчитайте, какая получается площадь.

Секретарша. Еще считать?

3-й. Обязательно.

Секретарша. Мне вредно напрягаться.

3-й. Что ж — за вредность вам молоко выписывать?

Секретарша. У меня не получается площадь.

3-й. Почему?

Секретарша. Семь на пять не множится.

3-й. Давайте, я потом сам сосчитаю. (*Берет у нее блокнот.*)

Секретарша. Между прочим, я все время хотела спр...

3-й. Что?

Секретарша. Где мы работаем?

3-й. Здесь.

Секретарша. Когда Михаил Иванович перебрасывают, он всегда меня берет с собой. А куда, не говорит.

3-й. Что у вас за нездоровое любопытство! Нужно еще рояль передвинуть, а вы с посторонними вопросами. Посмотрим, как он станет в кабинете. Ну, раз-два, взял! (*Подходит к роялю и пробует его сдвинуть.*)

Секретарша. Я на рояле не играю, и нечего мне его двигать.

3-й. Ладно, и один справлюсь.

Молодая девушка (*входит*). Товарищ, не передвигайте рояль!

3-й. Почему?

Молодая девушка. Потому что его специально поставили для следующего номера.

3-й. Не дают работать. А с меня будут спрашивать. (Уходит с секретаршей.)

Молодая девушка (зрителям). Следующий номер у нас... (объявляет).

4. Что у нас еще есть?

Выходят 1-й, 2-й, секретарша. 3-й, 4-й вносят письменный стол и устанавливают его.

1-й. Чтобы концерт был действительно интересным, веселым, жизнерадостным, я решил внести в нашу работу некоторые коррективы.

2-й. Конечно, без коррективов нельзя.

1-й (секретарше). Мусенька! Какие я внес коррективы?

Секретарша (читает по блокноту). Здесь сделать один кабинет, а там второй.

1-й. Точно. (3-му.) Голубчик, а что если здесь сделать мой кабинет (показывает), а здесь — кабинет моего заместителя, так сказать, — поменять их местами, а то, боюсь, будет дуть мне из-за кулис, сквозняк тут.

3-й. Можно и так. А не понравится, перестроим опять, работа небольшая.

1-й (зажегил 4-го). Этот товарищ ко мне?

3-й. Это я пригласил к нам на работу. Товарищ Сидоров — наш агент по снабжению.

1-й. Товарищ Сидоров, вам ясна ваша задача?

4-й. Абсолютно.

1-й. Так доставайте все, что нужно для работы.

4-й. А у вас каустик есть?

1-й. Какой „каустик“?

4-й. Ну, каустическая сода?

1-й. Для чего нам каустическая сода?

4-й. За каустическую соду можно получить медную проволоку, за проволоку — мешки, за мешки — цемент, за цемент — фанеру. А фанера нам для перестройки необходима.

1-й. Есть у нас каустическая сода?

2-й. Нет.

3-й. Нет.

Секретарша. Нет.

4-й. А что у вас есть?

1-й (растерянно). У нас есть хор.

4-й. Хор — это не товар.

2-й. У нас еще есть баянист.

4-й. Баянист тоже не пойдет.

1-й (*обращается за кулисы*). Товарищ!

Выходит молодая девушка.

Что еще у нас есть в программе?

Молодая девушка. У нас есть еще... (*называет номер*).

1-й (*4-му*). Подойдет?

4-й. Надо посмотреть.

1-й. Посмотрите беспристрастно, благожелательно.

4-й. Хорошо, посмотрим... (*называет номер*).

Молодая девушка. Сейчас будет исполнено... (*называет*).

5. Первое совещание

1-й (*выходит, недовольно осматривает сцену*). Товарищ Иванов!

2-й (*выходит*). Что прикажете?

1-й. Почему до сих пор даже не приступили к работе? Где кабинет? Где лампы, где письменный прибор?

2-й. Сейчас распорядюсь. (*Зовет.*) Товарищ Петрон!

3-й (*выходит*). Опять что-нибудь изменить хотите? Это можно.

2-й. Не в этом дело. Почему до сих пор к работе не приступили?

3-й (*оглядывает сцену*). Действительно не приступили. Сейчас выясним. (*Зовет.*) Товарищ Сидоров!

4-й (*выходит*). За этот номер трудно фанеру получить.

3-й. Не в этом дело. Почему прорыв? Почему невыполнение плана?

4-й. Дело не за мной.

3-й. За кем же?

4-й. Вот, за ним.

Выходит 5-й.

3-й. Кто это?

2-й. Что за человек?

1-й. Откуда он?

4-й. Это наш бухгалтер. Я же его пригласил для работы, и он же мне палки в колеса вставляет. Мне нужен аванс, командировочные, суточные, а он...

5-й. Товарищи! Одну минуточку... Дело идет о денежных средствах, о материальных ценностях... Я не могу взять на себя всю ответственность... Ведь чуть что, кто в ответе? Бухгалтер. Кому нагоняй? Бухгалтеру. Кого притянут? Бухгалтера.

1-й. Что вы предлагаете?

5-й. Надо, товарищи, это дело обсудить, провентилировать, утвердить.

1-й. Будем действовать оперативно. Время не ждет. Назначаю немедленно совещание. Тогда у нас, наверно, концерт получится интересным, веселым, жизнерадостным.

2-й. Богатая идея! Давно пора! Сколько времени работаем, и еще ни одного совещания не было.

Все уходят. Некоторое время сцена пуста. С другой стороны кулис выбегает молодая девушка.

Молодая девушка. Ушли совещаться, а концерт? (Зрителям.) Простите, товарищи, придется мне самой продолжать программу. Сейчас выступает... (объявляет).

6. Кассир приехал

Выходят все пятеро.

1-й. Ну вот, потрудились, но разобрались.

2-й. Все уточнили...

3-й. Утрясли...

4-й. Согласовали...

5-й. Утвердили...

1-й. Теперь, я вам ручаюсь, концерт будет интересным, веселым, жизнерадостным. Итак, товарищи, за дело!

Все выстраиваются.

Секретарша (пробегая, захватившись). Кассир приехал... Привез зарплату...

3-й. Муся, займите мне очередь.

Все быстро убегают. Выходит молодая девушка.

Молодая девушка (разводит руками). Вот этого мы никак не ожидали... Солидный человек, с хорошей характеристикой, и так относится к работе... Ничего, мы без него справимся и будем продолжать наш концерт. Сейчас выступает... (объявляет).

7. Наконец-то!

Выходят 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и секретарша.

1-й. Итак, товарищи, закончив все организационные мероприятия, примемся за работу!

Молодая девушка выходит, что-то шепчет 1-му, тот 2-му и т. д. Все шестеро подходит к рампе и хором объявляют:

3* «Концерт окончен!»

М. Тривас

Критика с вариантами

ФЕЛЬЕТОН

Исполнитель выходит неуверенно, оглядывается.

Виноват, товарищи, извиняюсь... Срочное дело... У кого тут спросить можно? (*Всматривается в зрительный зал.*) Марья Александровны здесь нет? Жены нашего управляющего... Марья Александровна! Тут вы? Ну что ты скажешь... Угнала хозяйскую машину, а Степан Данилыч требует: подай через пятнадцать минут — и всё! А с кого требует? с Марьи Александровны, что ли? Как бы не так!.. А ты бегай, отдувайся! Разве это дело для начальника автобазы? И ведь просил: Марья Александровна, доедете до театра, так уж вы будьте добреньки, машину сразу назад отправьте. Проявите чуткость к человеку... (*Смотрит на часы.*) Марья Александровна!.. Ищи ветра в поле... И так каждый день. Больше терпения моего нету. Послезавтра у нас собрание, как раз насчет самокритики... Я уж там все выложу. Прямо вот так выйду и скажу:

«Товарищи! Что же это у нас происходит? Меня, зна-

чит кроют: дескать, автобаза у нас — узкое место. Холостые пробеги, пережог горючего и все такое прочее. И правильная критика, товарищи! А почему? Возьмем холостые пробеги. Ясно, будут холостые, когда управляющий женатый. А жена то домработницу на рынок командует, то угонит машину за город, то в кабинет красоты, там у нее всякие процедуры налицо, и все такое прочее. Жена нажимает на легковой транспорт, а муж — на грузовой: машины для хозяйской дачи кирпич возят. Стройка-то скоростная, сами понимаете... Вот наемный был день рождения Степана Данилыча, нашего управляющего, то есть. Привез на дачу пять литров. Не прошло и часу — гоняй обратно в город за тридцать километров: добавка потребовалась... Никакой организованности: что же, они сразу не знали, что пять литров для настоящей компании — на один зуб! Тут, знаете, горючего не напасешься! Потом гостей развези... А назавтра сколько грузовых машин без бензина на простое! Машина — она тоже горючего требует... Понятно, с таким широким размахом автобаза — узкое место... Предлагаю: за использование транспорта не по назначению к ответственности привлекать. А Марью Александровну перевести на таксомоторный парк».

Вот так. А что он со мной может сделать? Уволить? Конечно, от такого человека всего можно ожидать. Его только затронь! А я затрону. Конечно, не обязательно так уж сплеча. Все-таки управляющий, человек влиятельный... А мне что — больше всех палю? По существу-то я полностью выскажусь, только в таком варианте:

«Товарищи, наш Степан Данилыч просит, чтобы мы, значит, в порядке критики невзирая на лица вскрывали наши недостатки. Конечно, в таком большом деле недостатки всегда есть. Степан Данилыч здесь верно подметил, что транспорт у нас — узкое место. Холостые пробеги, пережог горючего и все такое прочее... Золотые слова! К примеру, посылаем машины на дачу кирпич возить. Так нет того, чтобы как следует продумать маршрут. Дача-то посреди леса строится. Туда везем, а обратно порожняком едем. Нет того, чтобы подхватить обратным рейсом какой-нибудь полезный груз. Оно, конечно, в лесу не так легко его найти... А для чего же плановый отдел? Пусть думает. Планировать надо! Не может же Степан Данилыч сам за всех думать: и дачу строить, и маршруты планировать... Или опять же. Сте-

пану Данилычу машина его нужна. А машины нет: она повезла Марью Александровну лечиться, на физию терапию делать... И часами стоит у медицинского кабинета красоты... Насчет красоты не скажу, начальству виднее. А что нет у них чуткости к нашему управляющему, чтобы жену его лечить побыстрее, это факт. Потому что ее, может быть, на даче уже гости ждут... Непорядки в медицинской части! Тут надо крепко подумать нашему депутату в горсовете. Опять же с дисциплиной. Не буду замазывать. Как подходит воскресенье, так просто намучаешься. Взять хотя бы последний выходной. У Степана Данилыча день рождения. Тут радоваться надо, понимать, что у такого человека день рождения бывает только раз в году. А водитель, прикрепленный к этому дню, полную несознательность проявил. Экстренное дело — надо, пока магазины не закрылись, в город слетать, — а он говорит: «Хватит, я и так три рейса уже сделал, горючего не напасешься»... Конечно, это меня не украшает, как руководителя. Но мы, товарищи, эти недостатки ликвидируем. Так что, Степан Данилыч, мы все учтем, а за автобазой дело не станет...».

Так-то оно, пожалуй, вернее будет. *(Смотрит на часы.)* Пять минут осталось. Где же эту Марью Александровну нелегкая носит? Сейчас мне Степан Данилыч такую вздрючку сделает... Что же, я из-за нее страдать должен? От собственной жены столько не потерпишься, сколько от чужой... Хватит! Будь что будет, а я на собрании так развернусь, — только держись! Мне бояться нечего. Ну что он мне может на это сказать? Ничего. Допустим, скажет, что у меня кой-какие машины уезжают направо, а приезжают налево. Или что я деньги на ветер бросаю, покупаю на базаре негодные запчасти, — так какие же они негодные, когда они совершенно новенькие, еще и в работе не были: наша автобаза их только в прошлом месяце по разнарядке получила... Так что под нас не подкопаешься. Конечно, при желании всегда можно оклеветать человека. Но не такое время теперь, Степан Данилыч. Теперь за зажим критики по головке не глядят, хоть будь ты трижды управляющий. Мы это дело тоже понимаем. Я такого наговорю... Попробуй потом уволить! Начну так:

«Во-первых, триста литров бензина только на переброску кирпича для дачи: факт залезания в карман за бензином налицо. Раз. А лучший шофер, который об

этом в стенгазете писал, по вашему приказанию мной уволен? Уволен. Критику зажимаете. Два. Ваша Марья Александровна в кабинете красоты каждый день из брюнетки в блондинку перестраивается. Это три. Так только вельможи поступают, которые жизнь прожигают на государственном горючем...»

А что я, собственно говоря, в бутылку лезу? Ну, снимут его. Начнут разбирать, расследовать, то да сё — смотришь, и сам попал. Нет, пусть критикой занимаются те, у кого в собственном глазу сучка нет. А мы со Степаном Данилычем поладим. Он преданность тоже ценить умеет. Выйду я на собрании и выдам речугу — такой вариант:

«Товарищи, не могу молчать! Пора кончать! Есть еще у нас люди, которые тормозят. Взять хотя бы сторожа Евсева. Он же всю передовую работу нашей автобазы на смарку сводит. Конкретно. Посылаю я ночью две машины на склад за кирпичом для скоростной стройки Степана Данилыча. И вот две трехтонки простаивают до утра. Видите ли, Евсеев ищет легкой жизни, не желает открыть ночью материальный склад. Мало того, когда я принес Евсееву письменное распоряжение — открыть склад, так, вы думаете, он выдал кирпич? Как бы не так! Он, как какой-нибудь бюрократ, сказал, что без наряда не выдаст. И не выдал. Хотя управляющий весь кирпич из своего кармана копеечка в копеечку по государственной цене оплатил.

Вот тут я не побоюсь сказать в лицо Степану Данилычу: вам государство доверило высокий пост и персональный оклад, а вы куда смотрите? Вы тут разводите гнилой либерализм. Пока евсеевы будут распоряжаться на наших складах, я за автобазу не ручаюсь! Пора покончить с евсеевщиной и создать условия. И тогда я вам обещаю, что наша автобаза будет работать, как часы, а часы будут работать, как наши автомашины. А уж как работают наши машины, вы сами знаете».

Я думаю, товарищи, это — самый подходящий вариант. А? *(Смотрит на часы.)* Бегу. Как я отчитаюсь перед Степаном Данилычем, и сам не знаю. А вас, товарищи, попрошу: может, Марья Александровна все-таки появится, так будьте добреньки, скажите ей, чтобы машину отправила. Только вы с ней повежливее, а то и мне, и вам, и самому Степану Данилычу — всем влетит!

Сила любви

М. Тривас

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Исполнитель вглядывается в зрительный зал.

А все-таки я прав. Гляжу на вас, на ваши молодые лица, и еще раз убеждаюсь: прав! О любви нужно говорить, и я буду говорить о любви. Ведь любовь — как песня: она строить и жить помогает...

После горячей работы встретишься вечером с любимой... Идешь с ней рядом — и хочется говорить, да так, чтобы проза звучала, как стихи, стихи были, как песня, а песня волновала, как сама любовь. Вернешься домой — душа поет. Как к другу, потянешься к книжке лирических стихов... А оттуда иной раз таким холодом повеет, что хоть свитер надевай. Ищешь песню, а там...

От волнения парень заикается,
Свой покой он потерял навек.
Так бывает, ежели влюбляется
В человека человек...

Ой-ли? Так ли бывает, ежели влюбляются по-настоящему? Включишь наудачу радио и услышишь:

Ах, Ольга, я тебя любил,
Тебе единой посвятил...

Вот оно... И тревожно, и радостно... И кажется, что это — о тебе, о твоей любви... Вот как надо воспевать любовь!

Почему же у нас о ней еще часто говорят и пишут вполголоса? Наша молодежь любит широко, солнечно. Ведь наш душевный мир так же богат и прекрасен, как жизнь, которую мы творим собственными руками. А в некоторых произведениях как только дело доходит до любви, от волнения автор заикается или пишет песни на холостом ходу:

Чтоб с тоскою в пути не встречаться,
Вспоминая про ласковый взгляд,
Мы решили, друзья, не влюбляться
Даже в самых красивых девчат...

Попадаются, правда, более смелые писатели. Они догадываются, что в жизни все-таки есть настоящая любовь. Может быть, они даже сами когда-то до рассвета слушали соловьев, радовались, страдали... Но, должно быть, это было очень давно, потому что теперь, как только они берут в руки перо, — кажется, будто у них сердце из железобетона...

Читал я один роман. Там есть молодой забойщик. Написан, как живой. С каждой страницей все крепче дружишь с ним. Есть у него, конечно, отбойный молоток, который называется перфоратор. И есть, конечно, девушка, которая называется Оленька. Так и ждешь, что он вот-вот объяснится:

Ах, Ольга, я тебя любил...

И он действительно объясняется в любви, только не своей Ольге, а своему перфоратору...

Да что ж это такое, товарищи? Ведь если подражать таким образцам, то кому должен объясняться в любви, допустим, ветеринар?..

Шутка шуткой, но обидно, что такие авторы если и разрешают своим героям объясниться в любви и даже поцеловаться, — то только после сдачи на элеватор по двести пудов пшеницы с гектара. А разве по дороге на элеватор поцеловаться нельзя? Большая любовь не только не мешает нашим юношам и девушкам, а, наоборот, придает им силу, дерзость, страстность в работе.

Я вам расскажу случай из жизни. Это было недавно, на большой стройке. Он и она — комсомольцы. Они работали вместе. Он — монтажник, она — строитель. И, разумеется, любили друг друга.

Но когда настало время связать свою жизнь навсегда, ей показалось, что в их любви не хватает чего-то главного, что любовь не придает им той силы, которая помогает даже в самом малом совершать большие дела. Как-то раз она сказала:

— Ты знаешь, я люблю тебя. Люблю за твою прямоту, за горячность в работе, за твои мягкие волосы... Но я боюсь, как бы от времени не потускнела наша любовь. Я хочу гордиться тобой. Я хочу, чтобы ты всегда

был моим героем, чтобы краска гордости заливала мое лицо, когда называют твое имя.

Он обиделся. Конечно, куда ему, простому монтажнику, до рыцаря на белом коне, который совершает подвиги в честь дамы своего сердца! Нет, всё это — придирки. Просто она любит его меньше, чем он ее.

А тут еще монтажники стали героями дня, только совсем не в том смысле, в каком хотелось бы ему: строители, — среди них была и она, — обгоняли. Работа требовала от него все больше изобретательности, новаторской мысли. Наконец, он нашел смелое решение. Оно было принято. Монтажники стали наверстывать упущенное время. И когда новый скоростной метод называли его именем, она вспыхивала от гордости.

Работа шла на высоте седьмого этажа. Их разделял узкий пролет, над которым от стены к стене была перекинута доска. Но их разделяла еще и его обида. Девушка работала у самого пролета. Он делал вид, что не замечает ее. Но оттого, что она была здесь, рядом, ему работалось как-то особенно легко. Он ходил по узкому гребню фермы, как гимнаст по проволоке. Как будто под ним была не гулкая двадцатипятиметровая пустота, а твердая земля.

Она украдкой поглядывала на него. Любовалась его горячим увлечением работой, его точными, уверенными движениями. И, невольно взглядывая вниз, зажмуривала глаза.

Вдруг он оступился. Повис на руках, уцепившись за край фермы. Она даже не успела вскрикнуть. Ступила ногой на доску. Доска покачнулась... Она не помнила, как добралась до него. Очнувшись, она увидела его побледневшее лицо. Рядом стояли взволнованные товарищи и ругали его. Работать без предохранительного монтажного ремня! Да за такие выходки они поставят о нем вопрос на комсомольском бюро... А она видела только его — живого, невредимого. Она обняла его, крепко поцеловала, и они чувствовали себя на седьмом этаже, как на седьмом небе...

Разве наши молодые люди, надевая спецовку, на время работы запирают свою любовь в шкаф вместе с костюмом? Нет, нечего бояться нечаянного поцелуя по дороге на эlevator!

Наша любовь прочна. Она переступает вместе с нами порог загса раз и на всю жизнь. Но не надо забы-

вать о тех, кто переступает этот порог раз, переступает два... а потом приходит в домоуправление и говорит: «Познакомьтесь — моя жена. Любимая, единственная, на всю жизнь. Пропишите ее, пожалуйста, на полгода...».

Прописать, действительно, нужно. Да так прописать, чтобы он не полгода, а всю жизнь помнил... Кулаки сжимаются, когда иной раз читаешь о прохвостах, у которых что ни выходной, то новая «пламенная страсть». Они переходят от одной любви к другой, объявляют себя женихами и повторяют, что готовы отдать себя без остатка. Такие «переходящие женихи» — это переходящие остатки грязной буржуазной морали. Остатки, которые нужно раз и навсегда списать в расход.

Да, надо писать о таких. Но еще больше нужно писать о чистой, большой любви, которая расправляет крылья и возвышает человека!

Написал бы кто-нибудь из наших драматургов такую пьесу о любви, чтобы весь мир восхищался, глядя на душевную красоту советской женщины. Чтобы наша молодежь, которая умеет по-настоящему работать и по-настоящему любить, училась бы переводить высокий язык чувств на благородный язык поэзии. А то насмотрятся наши молодожены на некоторые спектакли, придут домой и начнут объясняться так, как объясняются в одной современной пьесе:

«— Вот он, вот он! Кровь он из меня пьет, у, фараон!

— Расшумелась. Сама же меня преобразовала в бессловесное существо!

— Какой-то ты квёлый, Парфен! Не занедужил ли?

— Вчерась это выпил — оно и полегчало. А ноне баба не позволила, оно и обратно... этого... самого...

— Да ты выдавливай, выдавливай словеса-то! Что они, в печенках застревают, что ли?»

Вы смеетесь? Честное слово, товарищи, это не я выдумал. Это из пьесы одного очень талантливого автора. Но я верю, что в следующей пьесе слова о любви будут у него идти не из печенок, а из сердца. А пока мало еще таких произведений. И метко сказал поэт:

А утром у входа в ворота завода
Влюбленному девушка встретится вновь
И скажет: «Немало я книжек читала,
Но нет еще книжки про нашу любовь».

А ведь в жизни она встречается на каждом шагу.

Чем не сюжет для пьесы вот хотя бы такой случай:

Жених и невеста. Оба молоды. Оба красивы. Война. Она говорит ему:

— Ты уезжаешь на фронт... Буду ждать тебя.

Шли месяцы, шли годы. Редко приходили в колхоз белые треугольнички. И в осеннюю непогоду и в лютые морозы ее согревала любовь. Но в своих скупых, скромных девичьих письмах она не писала слова любви. Она писала, что выучилась на трактористку, что ей дали его трактор и, когда он приедет, они будут на их тракторе вместе пахать, чтобы невиданным урожаем расцвело счастье.

Война шла к концу. Она ждала. Вдруг белые треугольнички-восточки перестали к ней прилетать. Колхоз праздновал победу, а его все нет. Сердце ее замирало — нет, этого не может быть. Если бы это случилось — пришла бы неумолимая коротенькая бумажка, которая делает мать безутешной, жену — вдовой...

Она ездила по госпиталям — близким и далеким. Белый треугольничек с номером полевой почты вел ее по неостывшим следам. Она нашла его.

...И слезы сдержала,
И были сухими глаза.

— Родной, жив... Наконец ты со мной... Навсегда!

— Нет. Ни тебе, ни колхозу в тягость быть не хочу...

Она увезла его. Она бережно надевала ему протезы. Она учила его ходить. После работы она приводила свой трактор к самому дому и, когда спускалась ночь, они при свете фонаря учили машину повиноваться деревянным ногам. Бывало, что он терял веру в себя. Тогда она уносила его домой, чтобы потом зарыться головой в подушки и остаток ночи беззвучно и горько рыдать слезами обиды и любви... Так не умеют рыдать слабые. Так иногда рыдают сильные духом, чтобы наполнить сердце мужеством. И когда тракторист поднялся на трибуну, чтобы получить Золотую Звезду героя, он низко поклонился той, которая скромно сидела за столом правления. И все, не стыдясь своих слез, встали и низко поклонились ей...

Такую пьесу можно было бы назвать «Любовь и подвиг». Большая любовь маленькой женщины дала ему — жизнь, ей — мужа, а Родине — героя. Любовь простых людей с сердцами патриотов вырастает в подвиг.

Сколько подвигов любви совершается у нас каждый день в большом и в малом!

Но что я говорю об этом вам! Вы сами умеете любить так, что о вас не говорить, а петь нужно. И вы совершаете подвиги, перед которыми отступают герои всей прошлой литературы.

Навстречу солнцу поднимается высотное здание. Это поднимаются навстречу солнцу подвиги наших людей. Слились воды Волги и Тихого Дона. Это тысячи подвигов слились в единый подвиг народа. И всё — для счастья человека, для нашего с вами счастья... И чем больше подвигов, тем больше счастья, тем ярче горит наша любовь!

Над страной весенний ветер вост.
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!

„Хороший человек“

МОНОЛОГ

Исполнитель, взволнованный, выходит на сцену, вытирает лоб платком.

— Меня сейчас прорабатывали... И за что?.. За то, что я хороший человек... За то, что я стараюсь делать людям приятное. За это меня сейчас прорабатывали на заседании месткома. Да еще грозятся на общее собрание вынести. И могут... А я уж и без того чувствую себя так, словно в зоопарке в бассейн к бегемоту унал. И бегемот меня пожевал, пожевал и выплюнул. *(Осматривая себя.)* Правда, снаружи у меня все в порядке... Вот пуговица... Пуговицу я сам отвертел с расстройством... А что делается у меня внутри!..

Я ничего не понимаю! Ничего не соображаю!.. За что?! Это же мой стиль. Я так воспитан. Я не умею плохо относиться к людям...

Что я сделал?.. Организовал банкетик... Скромный банкетик, почти семейного масштаба, в честь пятилетия пребывания Степана Ивановича на посту начальника главка. Вы подумайте только — пять лет на одном месте!... Банкетик... В тесном кругу... Скромно и человечно. И он же меня за это «на проработку». За что?.. Не понимаю...

А у меня такое правило — никого не забывать. Я даже специальный блокнотик имею для регистрации дат: кто когда родился, когда бракосочетался...

А Степана Ивановича я теперь отсюда изыму. Степана Ивановича вырву с корнем, неблагодарного! *(Вырывает листок из блокнота.)* На мелкие куски его! *(Вет листок.)* Мог бы, кажется, дать указание оградить авторитет подчиненного от нападок, а он сам ставит обо мне вопрос. Возмутительно! *(Топчет клочки ногами.)* Вот тебе, вот. *(Потрясает блокнотом.)* Следа здесь от тебя

не осталось! *(Дует на листки блокнота.)* Фу — и нет тебя... Чисто... *(Вглядывается в листки.)* Что такое?.. *(Читает.)* «День рождения Степана Ивановича...» Боже! Ведь это я Геннадия Аполлинарьевича вырвал по ошибке!.. Если бы Геннадий Аполлинарьевич представил себе, как я его сейчас... *(Бросается собирать с пола обрывки.)* Дома перепишу, перепишу... А ведь у Геннадия Аполлинарьевича какая-то дата сегодня?.. Или это у меня от испуга?.. Позволю на всякий случай... *(Берет трубку воображаемого телефона.)*

Але... Дайте добавочный 33!.. Але! Татьяна Васильевна?.. Будьте ласковы, ответьте мне на два-три вопроса! Скажите, Геннадий Аполлинарьевич у себя?.. Так. В духах или не в духах?.. Так. Объективен или субъективен?.. Тогда соедините меня с ним...

(Не отрывая одной руки с воображаемой трубкой от уха, поправляет другой рукой галстук, причесывается, затем ведет себя так, словно тот, с кем он общается по телефону, видит его жесты.)

Геннадию Аполлинарьевичу привет!.. Кто говорит?.. Едва ли вы помните Ивана Ивановича Полторакипкина, который работал когда-то под вашим руководством... Не помните?.. А я вас помню, как исключительного человека, исключительно чуткого начальника! И поэтому не могу не поздравить такого человека с днем рождения... Что?.. Я не только день, а даже час вашего рождения знаю. Вы утречком родились. Ведь все порядочные люди с утра рождаются...

Желаю вам всего наилучшего: успехов, здоровья, счастья. Кстати и супруге вашей того же! Вот и все... Извините, что вас какой-то Иван Иванович Полторакипкин побеспокоил, но я не мог воздержаться... Будьте здоровы. *(Как бы кладет трубку.)*

Да... Может быть, и родился Геннадий Аполлинарьевич совсем в другое время года, но теперь он вспомнит, кто такой Полторакипкин! *(Листает блокнот.)* Кого еще сегодня поздравить надо?.. Этого поздравил, этого тоже... Этому еще вчера телеграмму послал... Каждому, знаете ли, приятно поздравление получить...

Память у меня неважная, даже своих близких родственников поздравлять забываю, — ведь у меня никто из них на ответственных постах не сидит, — а вот настоящих знакомых забывать нельзя! Записываю... *(Стучит по блокноту.)* Надо сказать, метод проверенный!

Всего только раз подвел. Поздравил как-то я одного с десятилетием счастливой супружеской жизни, а он, оказалось, уже пять лет о разводе хлопочет.

Пусть кто из моих сотрудников скажет, сделал ли я кому какую неприятность! Возмущался я кем-нибудь? Замечания кому делал? Требовал?.. Нет, нет и нет! За что же меня на местком?

Я даже нашей уборщице, тете Паше, и то при встрече мило улыбаюсь. На всякий случай. Мало ли что! Она у нас профсоюзные взносы собирает.

В ее дежурство я не только окурю, а пепел на пол уронить боюсь. Мне ничего не стоит, а тете Паше приятно... Вот мой стиль! Повышенная требовательность к себе через осторожное отношение к окружающим. По-моему, это и значит быть хорошим человеком. Когда и другим хорошо, и тебе покойно.

А я люблю покой. Вот, дома! Я как прихожу со службы, обедаю, ложусь на диван. Потом встаю, захожу по комнате, на книгу посмотрю, ужинаю и ложусь в кровать. А утром встаю, завтракаю и иду на службу. Я спокоен. Почему я должен волноваться? Отволновался в свое время... Я теперь все имею: квартиру, положение, заработок.

У меня и на работе нет привычки волноваться. За столько лет я приобрел навыки. Наверняка знаю, что по любому вопросу никогда не следует сразу выносить решение. Со временем дело само по себе решится. Понятно и ясно!

А жена моя этого не понимает. Ее раздражает мое спокойствие. Жена хочет, чтобы я метался. А я не хочу метаться. Она говорит, что я мало над собой работаю. Да я и не знаю, что значит — над собой работать? Работать для себя — это понятно!

Но женщина остается женщиной! Она договорилась до того, что будто бы терпит меня только из-за детей: «Лучше, говорит, жить в одной комнате со слоном, даже с двумя слонами. Слонов скорее с места сдвинешь, чем тебя». Это она к тому, что я никуда не хожу: «Люди, говорит, приезжают с периферии в Москву, стремятся посмотреть московские музеи, театры, выставки, а ты нигде не бываешь...»

Верно, не бываю... Но я собираюсь... Как-нибудь куда-нибудь обязательно съезжу...

Да и потом, откровенно говоря, обожаю пульку!..

Не понимаете?.. Неужели вы в преферанс не играете?.. А у меня есть постоянные партнеры из сослуживцев, так мы иногда до утра в эти картишки ждем. По маленькой... С разбойничком... Увлекательное, знаете ли, занятие! Сидишь этак в выходной день, играешь и воскресные пироги перевариваешь...

Характер у моей жены трудный, но насчет пирогов и прочей кулинарии — мастер! Я из-за этого и отношений с ней не обостряю. Мастерица, чорт возьми, кулебяку с капустой делай!

А чего ей от меня надо, я никак не пойму! Говорит, что я весь завяз в пережитках. Скажите, пожалуйста, откуда у меня пережитки? До революции мне всего десять лет было, я чуть не ровесник Октября, — что я мог принести из капитализма, в котором я не был? Если что и пристало когда, так давно стерлось...

Я человек вполне современный, жена моя, как видите, чересчур даже... У меня даже теща — передовой человек. Я, конечно, этим не бравирую, что она у меня депутат райсовета. Наоборот, всем везде говорю, что хоть у меня теща и депутат, но вы, пожалуйста, со мной запросто, не стесняйтесь... Вот я какой человек.

И после всего этого меня прорабатывают! Приспособленцем называют! Скажите, неужели, по-вашему, я приспособленец?

Голос из публики: «Конечно!»

Понимаю, и вас местком сагитировал! *(Машет рукой и уходит.)*

Оратор

В. Ардов и
Я. Дымской

РАССКАЗ

Из Москвы большинство директоров уезжало в один и тот же день: актив в министерстве кончился, и нужно было спешить к своему предприятию, о котором постоянно тревожилось директорское сердце и думала голова.

Вот и теперь: оказавшись соседями по купе, три директора заговорили всё на ту же неисчерпаемую тему — о своих заводах. Что касается четвертого пассажира, то он не вмешивался в беседу и только подпрыгивал на коленях у пятой пассажирки, сидевшей у окна. Она держала ребенка за ручки и смотрела на него таким взглядом, каким может смотреть лишь молодая мать на своего первенца.

— Завод у меня тоже хороший, — сказал самый молодой из директоров. — Прекрасный завод. Но — трудный. План большой, а условия — нелегкие.

— Нда... — протянул второй директор, попыхивая трубкой; это был молчаливый товарищ, но его «нда...» красноречиво говорило, что выполнять план — это, действительно, дело серьезное.

— Чем же, интересно, условия нелегкие? — улыбаясь, спросил третий директор, пожилой, видимо любящий шутку, человек. — План не хочет сам выполняться?

— С рабочей силой трудно, — ответил молодой директор.

— Мало?

— И маловато и... — он замялся, посмотрел на пассажирку с ребенком и негромко добавил: — у меня на заводе работает много женщин.

— Нда... — сочувственно кивнул молчаливый директор (дескать: «мне это знакомо»).

Пожилой директор вдруг засмеялся.

— А как у тебя обстоит дело с этим?.. — спросил, показывая на ребенка.

— У меня — один ребенок, — слегка покраснев, сказал молодой директор. — А что?

— Во-первых, одного мало. Надо еще. А, во-вторых, я не об этом... Я спрашиваю, как твои работницы устраиваются: есть у тебя на заводе ясли?

— Да начал строить года два назад...

— Понятно: государство тебе отпускает деньги на ясли, а ты их каждый год возвращаешь неосвоенными. Так?

— Все как-то руки не доходят: то план, то то, то другое... А вы думаете, что?..

— Тут и думать нечего: все так точно.

Пожилой директор весело прищурился, видно вспоминая что-то смешное, засмеялся и сказал:

— Это, друже, вопрос тонкий — с яслями. Нашему брату иной раз и невдомек, пока не надоумят. Вот, как меня...

— А как?

— Ну, это целая история... Меня, понимаешь, тоже всегда рабочая сила очень лимитировала.

— Вот видите! У всех одно и то же...

— А ты думал... У нас ведь не Америка, где безработные миллионами ходят. У нас дела для всех хватает.

— И на вашем заводе тоже много женщин работает? — с интересом спросил молодой директор.

— В том-то и дело... С программой все время было трудно, еле-еле в последние минуты месяца вытягивал, а другой раз и из следующего месяца денек-другой прихватишь... И все не мог наладить, как следует. И вот, помню, получаю из главка новый, увеличенный план. Созываю я у себя в кабинете совещание всех руководящих работников совместно со стахановцами и ставлю вопрос: как нам обеспечить выполнение программы, да так, чтобы ритмично, без штурмовщины?..

— Ида!.. — мечтательно отозвался молчаливый директор, а молодой живо спросил:

— Какие же, интересно, вы приняли решения?

— Да разные, — ты их знаешь не хуже меня: пересмотреть технологию, провести конкурс на рационализаторские предложения, срочно закончить строительство новых цехов... В общем всё — очень дельные вещи. И вот совещание наше уже подходит к концу, вдруг слышим:

где-то рядом закричал грудной младенец. Да как закричал! Вроде заводского гудка — без перерыва и не снижая силы звука: уа-уа-уа-уа...

— Погоди, Сережик! — сказала вдруг молодая женщина, сидевшая в углу купе, и усадила поудобнее сына. — Дай послушать, что дядя рассказывает.

— Ну, что ты будешь делать! — усмехнувшись, продолжал директор. — Ребенок кричит, а мы, вместо того чтобы заседать, прислушиваемся. «Давайте не отвлекаться, товарища, говорю. Кто еще хочет высказаться?» Спрашиваю, а сам вижу, что проку мало. Младенец все продолжает в том же духе — «уа-уа-уа...», а у товарищей вроде как бы настроение переменялось: переглядываются, улыбаются, невнимательными стали, одна наша стахановка даже выбежала из кабинета. А начальник снабжения на мой вопрос, откуда он собирается получить материалы для строительства, заморгал глазами и вдруг произнес: «Уа-уа!.. То есть, простите, Уфа, Уфа...»

Молодая женщина звонко расхохоталась, а директор усмехнулся и продолжал:

— Кончилось тем, что и я не выдержал и выскочил в приемную. Смотрю, стоит наша стахановка, на руках у нее ребенок, вокруг — секретарша, юриконсульт, машинистка, курьерша, а младенец без передышки выводит свою арию: «уа-уа-уа...». «В чем дело? Что это за развлечение вы себе нашли? Ребенок кричит, — заболел, наверное. Принесите сахарного сиропа!». «Да что вы, товарищ директор, говорит стахановка, какой же он больной?.. Не сглазить бы — кровь с молоком!» Приглядываюсь и вижу: в самом деле, мальчишка что надо, упитанный, как поросенок... Вот вроде этого...

И директор, протянув руку, пощелкал пальцами перед носом ребенка, возившегося на коленях у пассажирки. Ребенок улыбнулся и схватил его ручонкой за палец.

— Почему же он кричал? — спросил молодой директор.

— Дети любят кричать, — ответила молодая мать. — Они этим легкие свои развивают.

— Правильно, — сказал пожилой директор, — мальчик этим и занимался. Понимаете, смотрит на меня спокойными, вроде даже улыбающимися глазенками и кричит. Ей-богу, веселым голосом кричит. Тут мне приносят сахарного сиропа, я малыша с ложки пою и думаю:

наконец-то он нам передышку даст. Какое там! Выпил сироп, да как начнет... Еще громче, чем прежде. Видно, у него с сиропу силы прибавилось...

— Здоровый, значит, мальчик! — тоном знатока сказала женщина.

— Ида... — глубокомысленно изрек молчаливый директор (дескать: «оно и видно!»), а молодой директор нетерпеливо спросил:

— Чей же это был ребенок?

— Вот тут-то и самая суть, — улыбаясь, сказал пожилой директор. — Когда я вернулся в кабинет и спросил, если ли еще желающие высказаться, стахановка, вошедшая вслед за мной, сказала: «Есть желающие». «Пожалуйста, говорю, только, сами понимаете, погромче». «Куда уже громче, говорит стахановка, высказывание моего сына всем слышно». И она кивнула в сторону приемной, откуда попрежнему доносилось мощное «уа-уа». Тут все засмеялись, а стахановка сказала: «Этот оратор, как видите, не просит слова. Он взял его без спросу. И вы знаете, по какому вопросу этот товарищ высказывается? По вопросу о внимании к бытовым нуждам работниц-матерей. Он на вас кричит, потому что вы обо всем помните, а про ясли забываете. И этот оратор нас заверяет, что если вы ему быстро обеспечите все то, на что он имеет право по Конституции и на что государство ежегодно отпускает огромные деньги, то его, оратора, мама и все другие мамы будут работать гораздо лучше! И данный оратор вносит одно-единственное предложение: немедленно приступить к строительству яслей и быстро его закончить. Вот всё, что он хотел сказать. До свиданья».

Рассказчик вдруг рассмеялся.

— Вы знаете, что интересно? Как только мы приняли это предложение, ребенок замолчал. Это было так здорово, что все даже заплодировали, а секретарь парткома сказал: «Видно, оратора устраивает наше решение». Только он это произнес, как вдруг издали опять раза два донеслось: «уа-уа»...»

Директор сделал паузу и стал закуривать.

— В чем же дело? — спросил молодой директор.

Рассказчик прикурил, затянулся и сказал, улыбаясь:

— Это он нам напоминал о проверке исполнения.

— А ясли... построили? — шопотом спросила пассажирка, поглаживая уснувшего ребенка по голове.

— Будьте спокойны! Построили очень скоро, и — отличные ясли. И с тех пор у нас и с планом стало легче. Не сравнить!

— Да? — задумчиво переспросил молодой директор.

— Ида... — как бы отвечая ему, очень серьезно сказал молчаливый директор (дескать: «весьма, весьма поучительно»).

...Утром, когда по вагону проходил телеграфист, два директора — молодой и молчаливый — вручили ему для отправки по телеграмме. Прочитав текст этих депеш, телеграфист удивленно посмотрел на отправителей. Несмотря на различные адреса и подписи, на обеих телеграммах был написан один и тот же текст:

«Немедленно возобновите строительство яслей».

П Е С Н И К

Шула родина моя

Слова Я. Шведова

Музыка С. Туликова

Сдержанно

Музыкальный фрагмент для фортепиано. Заголовок: *Сдержанно*. Музыка записана на двух станах (верхний и нижний). Включены динамические обозначения: *mf*, *M*, *7*, *7*, *B*, *M*, *B*. Видны ноты и аккорды.

Более подвижно

1. У ме - ня то - ва - рищ был, всю вой -

Музыкальный фрагмент, включающий вокальную линию и фортепианное сопровождение. Заголовок: *Более подвижно*. Вокальная линия имеет текст: "1. У ме - ня то - ва - рищ был, всю вой -". Музыка записана на двух станах (верхний и нижний). Включены динамические обозначения: *7*, *B*, *7*, *M*, *B*. Видны ноты и аккорды.

-ну я с ним дру-жил. За ме-ня сто-ил го-

The first system of music consists of a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The vocal line has a melodic line with lyrics. The piano accompaniment features chords labeled 'B', '7', and 'M' in the bass line.

-рой пу-ле-мет, го-ва-риш мой. Как пре-

The second system of music continues the vocal and piano parts. The piano accompaniment features chords labeled 'M', '7', and 'M' in the bass line.

-лез ит-ть с не-рса, пу-ле-мет-ту-лок па-

The third system of music concludes the vocal and piano parts. The piano accompaniment features a '7' chord in the bass line.

Замедляя.

В темпе

-ет:

Ту - ла - я,

Ту - ла - я,

Ту - ла - ро - ди - на мо - я!

Хоть под - ми - ра

о - бой - дешь,

кра - ше Ту - лы не дай - дешь!

Хор

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальные ноты: Ту - ла - я, Ту - ла - я, Ту - ла - ро - ан -

Музыкальные аккорды: МБ, Б, М

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальные ноты: на мо - я! Хоть пол - ми - ра о - бой - дешь, кра - ше

Музыкальные аккорды: М, М, М 7, Б

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальные ноты: Ту - ам не най - дешь! 2. Не ан// - дешь!

Музыкальные аккорды: 7, Б, f

Длинные ноты в вокальной линии: Для повторения, Для окончания, Solo

У меня товариш был,
Всю войну я с ним дружил.
За меня стоял горой
Пулемет, товарищ мой.
Как приказ идти вперед,
Пулемет-туляк поет.

Припев:

Тула-я, Тула-я,
Тула — родина моя!
Хоть полмира обойдешь, } 2 раза
Краше Тулы не найдешь! }

Из литейной мастерской
Прихожу к себе домой.
«Ставь, мамаша, стол в саду,—
Я подругу в гости жду!»
Сели мы втроем за стол,
Самовар запел, завел:

Припев.

Я купил себе гармонь,
У нее в мехах огонь.
Заиграю — там и тут
Незабудки расцветут.
Собирая в круг народ,
Под рукой гармонь поет:

Припев.

Мы с подругой земляки,
С ней мы оба туляки.
Не уроним у станков
Честь и славу туляков.
Только входим на завод,
А душа сама поет:

Припев.

Тула-я, Тула-я,
Тула — родина моя!
Хоть полмира обойдешь, } 2 раза
Краше Тулы не найдешь! }

Общежитие

Слова С. Смирнова

Музыка В. Шорина

Голос *альцо*

Не спеша
mf

О хо - ро - шем, как

пра - ви - ло, пом - нит лю - бой и го -

-ла - ми хра - нит, ни - ку - да не де - ва-

-а. На - сту - пи - ла по - ра,

и про - ша - юсь с то - бою,

об - ще - жи - ти - е, при - с - тань мо -

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line in G major, 4/4 time, with lyrics "об - ще - жи - ти - е, при - с - тань мо -". The lower staff is a piano accompaniment. The first measure has a 7th chord (F7), and the second measure has a major triad (M). The piano part includes a bass line with a 7th chord in the first measure and a major triad in the second measure.

-я пу - те - за - я!

The second system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line in G major, 4/4 time, with lyrics "-я пу - те - за - я!". The lower staff is a piano accompaniment. The first measure has a 7th chord (F7), and the second measure has a 6th chord (F6). The piano part includes a bass line with a 7th chord in the first measure and a 6th chord in the second measure.

На - сту - пи - ла по - ра, а про -

The third system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line in G major, 4/4 time, with lyrics "На - сту - пи - ла по - ра, а про -". The lower staff is a piano accompaniment. The first measure has a 6th chord (F6), and the second measure has a 7th chord (F7). The piano part includes a bass line with a 6th chord in the first measure and a 7th chord in the second measure.

- ща - юсь с то - бой, об - ще-

7 B 7

Для повторения

- жи - ти - е прис - тань мо - я

M M M 7

пу - те - ва - я. Я ос -

7 M

Для окончаня

- и пу - те - ва - ва

M 7 M ritard

О хорошем, как правило, помнит любой
И годами хранит, никуда не девая.
Наступила пора, я прощаюсь с тобой, } 2 раза
Общежитие, пристань моя путевая!

Я обратно сюда не приеду уже,
Не приду мимолетного отдыха ради,
И настольный огонь на моем этаже } 2 раза
Озарит не мой, а чужие тетради.

Я экзамены сдал, я уеду на днях
И, как другу, последний визит отдавая,
Говорю, находясь в этих милых стенах: } 2 раза
Общежитие, пристань моя путевая!

Здесь я жил, никогда не грустил о былом,
В предзачетные ночи сидел до рассвета.
На учебных пособиях спал за столом, } 2 раза
Разве можно из памяти вычеркнуть это?

Не забыть, как мечтали о будущем мы,
На стипендию дружеский пир затеяв,
Как тобой дорожили во время зимы, } 2 раза
Общежитие, пристань моя путевая!

Пусть минует любое количество лет,
Я же буду здесь мысленно снова и снова,
Где студенческий, мною хранимый билет
Был действителен вплоть до числа выпускного. } 2 раза

И, с друзьями сойдясь у себя на дому
И мотивы студенческих лет напевая,
Я свой первый бокал за тебя подыму,
Общежитие, пристань моя путевая! } 2 раза

Ожидание

Музыка и слова М. Фрадкина

Не скоро. Слышай!

За - ме - ла - мель до - рож - ки, за - до -

ро - ши - ла, кру - же - га раз - ве - ся

- ла во - круг. Я хо.

Б Σ edm

- жу од - на. Ну что же тут хо - ро - ше - го,

Б M 7 M

ес - ли нет те - ба со мной, мой

M

друг, ес - ли ест те - бя со - мной, мой

Б
B^b
B⁷

Для повторения

друг. От не-

Э
Б
М
М

Для окончания

- ну.

М
Б
М
М

Замела метель дорожки, запорошила,
Кружева развесила вокруг.
Я хожу одна. Ну что же тут хорошего,
Если нет тебя со мной, мой друг. } 2 раза

От меня ли, от метели ты скрываешься,—
Без твоих тоскую ясных глаз,
Я хожу одна, а ты мне вспоминаешься
Вот уже наверно сотый раз. } 2 раза

Провода от снежной тяжести качаются,
Месяц вдруг за облако ушел.
Я хожу одна, а вьюга не кончается...
Почему ты нынче не пришел? } 2 раза

Может быть, ты перепутал час свидания
Иль, быть может, перепутал день.
Я хожу одна, со мной мое страдание
Тоже ходит рядом, словно тень. } 2 раза

И мне жаль такого дня неповторимого,—
Сад в снежинках белых, как в дыму.
Я хожу одна, а без тебя, любимого,
Красота мне эта ни к чему. } 2 раза

Хороша была тропинка

Слова А. Коваленкови

Музыка М. Табачникова

Не спеша. Здушезно

Музыкальный фрагмент для фортепиано. Требуется динамик *p* (пиано) и *m* (мезо). Музыка записана на двух станах (верхний и нижний).

Замедля.

В темпе

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Требуется динамик *b* (басно) и *m* (мезо). Музыка записана на трех станах (два для фортепиано и один для вокала).
Не за-мет-но снег рас-

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Требуется динамик *m* (мезо) и *b* (басно). Музыка записана на трех станах (два для фортепиано и один для вокала).
та-ил, при-ле-те-ли жу рав-ли.

Зе-ле-но-я, рас-це-та-я, дни ас-сен-ни-е при-

M M 7

-шли. То-по-ли-ный, со-ло-вья-ный,

B B 7

Замедля. Для восторженки
В темле

за-гля-нул в о-кош-ко мой Все что бы-ло

7 B 7

и у-плы - ло, ты те-перь не вспо-ми-най.

m *f*

Для обозначения

Все что бы - ло и у-плы - ло,

f *p*

Замедляя.

ми - ког - да не за - бы - вай.

pp

Незаметно снег растаял,
Прилетели журавли.
Зеленея, расцветая,
Дни весенние пришли.

Тополинный, соловьиный,
Заглянул в окошко май.
Все что было и уплыло,
Ты теперь не вспоминай.

} 2 раза

Хороша была тропинка,
Что в заречный лес вела,
Та тропинка стала льдинкой
И по речке уплыла;

Та тропинка раскололась,
Потерялась невзначай.
Все что было и уплыло,
Ты теперь не вспоминай.

} 2 раза

Но под вечер у окошка
Не считай на небе звезд;
Нет тропинки — есть дорожка —
Через речку новый мост.

Мост высокий, плес глубокий,
Синий вечер, теплый май...
Все что было и уплыло,
Никогда не забывай.

} 2 раза

На лугу трава росиста

Слова Л. Кондырева

Музыка А. Живцова

Умеренно

The musical score is written for piano and voice. It consists of three systems. The first system shows the piano introduction with a treble clef, a 2/2 time signature, and a key signature of one flat. The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). The piano part includes dynamic markings 'p' (piano) and 'mf' (mezzo-forte). The second system continues the piano accompaniment. The third system introduces the vocal line with the lyrics '1. На лу - гу тра - ва ро -'. The piano accompaniment continues with 'mf' dynamics and a 'c' (crescendo) marking.

p *mf* *mf* *c*

1. На лу - гу тра - ва ро -

mf *mf* *c*

RAP - NO - SUC - TA DE - SYU - KA GO

RAP - NO - SUC - TA DE - SYU - KA GO

Handwritten musical score consisting of three staves. The top staff is a vocal line with lyrics: "COR - TA, HIC - TU - M". The middle staff is a piano accompaniment with chords marked "M", "B", and "M". The bottom staff is a bass line. The music is written in a single system with a repeat sign at the end.

Lyrics: COR - TA, HIC - TU - M

Chord markings: M, B, M

dim. *mf* *Более оживленно*

-до - ва - я. Со - ло - вой, пе -

-ва приб - рек - ны, слу - шал со вни -

f *dim.* *M*

-ма - ва - ся, как мг - нув - ши

Для повторения

Musical score for the first system, labeled "Для повторения" (For repetition). It consists of a treble clef staff with a whole rest, and a grand staff (treble and bass clefs) with a melodic line in the treble and a bass line. The bass line includes dynamic markings "M", "dim.", and "p".

Для окончания

Musical score for the second system, labeled "Для окончания" (For ending). It consists of a treble clef staff with a whole rest, and a grand staff (treble and bass clefs) with a melodic line in the treble and a bass line. The bass line includes dynamic markings "dim.", "rit.", "M P", and "pp".

На лугу трава росиста,
Цветики медовые...
Полюбила гармониста
Девушка бедовая.

Соловей, певец прибрежный,
Слушал со вниманием,
Как играл ей парень нежно
Вятские страдания.

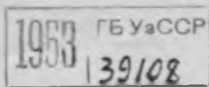
В синем небе пламенела
Зорька негасимая.
У берез обнял несмело
Гармонист любимую.

И, смутившись не на шутку,
Под листвою крылатою
Закурил он самокрутку
Счетом двадцать пятаю.

Вился сизый дым над речкой,
Над водой зеркальною,
Было каждое колечко,
Словно обручальное.

Значит, выйдет замуж скоро
Девушка бедовая.
Ой, весна, травы узоры,
Ой, цветы медовые.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Г. Рыклин. Преступление и наказание (интермедия)	3
Г. Рыклин. Много слов (интермедия)	5
Г. Рыклин. Жалобная книга (интермедия)	7
Я. Зискинд. Характеристика (сценка)	9
Я. Зискинд. Стихи (сценка)	11
С. Кантор. Наш ребенок (сценка для конференса)	14
А. Ирошников. Конференс и интермедии	20
С. Кантор. Интермедии	28
М. Тривас. Критика с вариантами (фельетон)	36
М. Тривас. Сила любви (музыкальный фельетон)	40
А. Лихачев. „Хороший человек“ (монолог)	43
В. Ардов и Я. Дымской. Оратор (рассказ)	50

Песни

Тула — родина моя. Музыка С. Туликова, слова Я. Шведова	55
Общежитие. Музыка В. Шорина, слова С. Смирнова . .	60
Ожидание. Музыка и слова М. Фрадкина	66
Хороша была тропинка. Музыка М. Табачникова, слова А. Коваленкова	70
На дугу трава росиста. Музыка А. Живцова, слова Л. Кондырева	74

Редактор *Е. Перегудова*
 Техредактор *В. Лаврентьева*
 Корректоры *З. Цейтлина* и *Е. Дворкина*

А-04899. Сдано в производство 27.VIII 1953 г. Подписано к печати 30.IX 1953 г.
 Тираж 80 000. Объем 1,25 бум. л. Печ. л. 4,1. В 1 печ. л. 30640 зн. Учетн.-изд. л. 3,83.
 Формат бумаги 84×108/32. Издат. инд. ХС-168. Цена 2 руб. Заказ 419.

13-я Журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата
 Министерства культуры СССР, Москва, Гарднеровский пер., 1а

V-311

Цена 2 руб.